

Образ счастья

Это будет совсем небольшой рассказ. Скорее, попытка поделиться одним наблюдением, истиной, которая мне открылась.

У Нагибина в "Рассказе синего лягушонка" есть пронзительное место. Он пишет там о своём новом рождении после смерти в облике лягушонка, с которым "случилось самое худшее из всего, что могло принести новое существование": он стал лягушкой с человеческой памятью и тоской. Его мучила смертельная тоска по оставленной в той жизни любимой жене. И всё время возникала в памяти навязчивая картина: летний дождливый день. Застеклённая терраса дачи. Он с женой и собака эрдель. Дальше цитирую: *"Алиса лежала на тахте, к ней приставал щенок эрдель, требуя, чтобы его почесали. У них была такая игра: Алиса чесала его длинными ногтями по крестцу от шеи к обрубок хвоста, он изгибался, задира морду и часто-часто колотил левой лапой по полу. А потом она говорила, словно про себя: "Надо Проше бородку расчесать", – и он тут же, жалко ссутулившись и поджимая свой обрубок, убегал и с грохотом забивался под стол, чтобы минуты через две-три появиться опять с великой опаской, тогда всё начиналось сначала. Это был ежедневный, слегка надоевший мне своим однообразием ритуал, но почему-то в тот день, когда мы погрузились в морскую пучину, я сказал себе на слёзном спазме: "Это и есть счастье. Когда-нибудь ты вспомнишь о нём."*

Это была автобиографическая вещь Нагибина, последнее, что он написал в жизни. В ней он с поразительной точностью предсказал свою смерть и характер своей смерти – всё так и случилось

вскорости, и это невольно наводило на жутковатую мысль: может быть, и всё остальное – с этим посмертным превращением – он тоже угадал и предвидел? Завидев где-нибудь в пруду обычную лягушку, я вздрагивала и всматривалась в неё с каким-то мистическим чувством, словно надеясь углядеть в ней человечесьи черты. Но главное, что меня поразило в рассказе, – не это.

В жизни Нагибина с последней женой (они прожили с ней 30 лет) было столько всего замечательного: столько путешествий, старинных городов и храмов, дивной музыки и нетленной живописи, а образом счастья оказался мокрый сад, терраса и пальцы любимой, погружённые в завитки собачьей шерсти. И я подумала: а что бы мне вспоминалось на том свете чаще всего, что бы стало моим навязчивым до боли образом утраченного счастья? И вспомнилось тоже такое обычное, будничное, простое, но от чего защемило сердце.

Мы с Давидом гуляем поздним вечером по заснеженной Цветочной улице неподалёку от дома. С нами маленький Дендик – ему всего годик. Это его первая зима, он бурно радуется снегу, вертится волчком, бегаёт от меня к Давиду и обратно. Я убегаю, он догоняет меня с радостным лаем. Мы с Давидом целуемся в свете фонарей. Это было так сказочно хорошо. Счастьем было всё: мои промокшие варежки, растрепавшиеся волосы, его запорошенная снегом ушанка, огоньки светящихся окон, пощипывающий морозец. Я не думала, что запомню эту минуту на всю жизнь, мне казалось, что таких минут у меня будет навалом, что так будет всегда. Но Дендика уже нет. Умерла бабушка, умер отец. И по улице той мы уже давно не гуляем.

Счастье – это не что-то из ряда вон выдающееся. Это то, что ты любишь, чем живёшь, чем дышишь, не замечаемое тобой, как воздух. До тех пор, пока не почувствуешь его нехватку и не начнёшь судорожно ловить губами памяти.

Пусть это лето длится, длится...
В душе с него снимаю слепок.
Гляжу вослед любимым лицам –
О, только бы не напоследок!

